

## МЕТОДОЛОГИЯ

В.С. МАРТЬЯНОВ

Политические пределы *homo economicus*

В статье обосновывается тезис, что междисциплинарная экспансия модели *homo economicus* приводит к вытеснению и забвению внеэкономических модальностей мышления, ценностей и институтов в области права, политики, морали, искусства и др., являющихся необходимым условием существования и развития социума. В ситуации игнорирования внеэкономических регуляторов и мотивов индивидуальных и коллективных практик модель *homo economicus* в чистом виде не только не способна поддерживать существование государства и общества, но и упраздняет фоновые условия для развития самого капитализма. Поэтому методологический индивидуализм и модель *homo economicus* как политического субъекта, лежащая в основании неолиберализма и оправдывающая общезначимые политические решения, нуждается в серьезной коррекции. Легитимирующие эту модель частные задачи в виде максимизации индивидуальной полезности или экономического роста требуют расширения в контексте целей всестороннего развития человека и общества, которые в условиях замедления глобального развития все труднее сводить к экономическому росту. Перспективы дальнейшего развития современных обществ актуализируют возвращение мотивации человека политического, действующего в координатах внеэкономических коллективных целей, факторов и аргументов поведения, являющихся все более значимыми условиями дальнейшего прогресса человечества.

**Ключевые слова:** внеэкономические факторы развития, методологический индивидуализм, коммунитаризм, ограниченная рациональность, поздний Модерн, согласование интересов, *homo economicus*.

*Homo economicus*: проблема практической аргументации

20 лет назад Россия была полна оптимистичных ожиданий от происходившего в тот момент прихода российских экономистов в политику. Виделось наступление того благословенного времени, “когда ведущие посты в правительстве и в президентском аппарате занимают профессиональные экономисты, которых в советское время на пушечный выстрел не подпускали к рулевому колесу” [Радаев 1997, с. 185]. Однако нынешнее состояние и перспективы российской экономики, которая по некоторым экспертным оценкам, альтернативным официальному Росстату, до сих пор не достигла высших позднесоветских показателей [Ханин, Фомин 2008], заставляют со значительной долей пессимизма переоценить как результаты экспансии экономических неолибералов в политику, так и распространение модели *homo economicus* на все общественные науки и человеческую деятельность вообще в качестве доминирующей и нормативной.

---

Мартьянов Виктор Сергеевич – кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Института философии и права УрО РАН. Адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16/А4. E-mail: martianovy@rambler.ru

Предметом критической рефлексии все чаще становится экспансия модели *homo economicus* в политологию, социологию, психологию и государственное управление, замещающая профильные модели социологического, политического и психологического индивидов. Исследователи резонно замечают, что вся фундаментальная социология от О. Конта до П. Бурдьё, “построенная на всестороннем рационализме Просвещения, а не на редуцированной идее максимизации полезности” [Зафировский 2014, с. 27] ничуть не менее, а то и более рационалистична, чем экономическая наука. При этом методологические модели рационального поведения индивидов, ориентированные на условия капитализма и саморегулирующегося рынка, испытывают закономерные сложности в ситуации их переноса в нерыночные социальные среды, чье существование определяется не только и не столько рациональным выбором индивидов, сколько сложившимися вне методологического индивидуализма нормами, традициями, принципами взаимодействия и поведения на индивидуальном и надиндивидуальном уровнях. И соответствующие метафоры политического, административного или брачно-семейного рынка весьма мало проясняют суть дела. В результате наблюдаемой экспансии модели *homo economicus* ее методологические достоинства элиминируются, а их компенсация происходит с помощью обращения к *идеологической аргументации*, оправдывающей принятие разнообразных исследовательских и политических решений с помощью модели, обнаружившей явные пределы своей методологической универсальности и трансформирующейся в прескриптивные ожидания о *должном поведении* индивидов, плохо согласующегося с наблюдаемой практикой.

Представляется, что доминирующая модель *homo economicus* со всеми ее методологическими достоинствами и недостатками, фундаментально обобщенная В. Автономовым [Автономов 1998], если и была когда-то относительно широко релевантна на практике, то для периода раннего капитализма, действовавшего в режиме *laissez-faire*. В частности, П. Розанваллон прозорливо отмечает, что идея независимого саморегулируемого рынка в свое время стала обманчивой попыткой справиться с теми политическими противоречиями, которые не смогла решить в условиях раннего капитализма руссоистская теория общественного договора: «...рынок как будто бы подходит для решения этой задачи. Он должен установить власть “невидимой руки”, и эта власть по природе нейтральна, поскольку безлична. Он обеспечивает социальное регулирование, имеющее абстрактный характер: отношениями между людьми управляют объективные “законы”, в этих отношениях нет места подчинению и приказу. Рынок подобен некоему “скрытому богу”» [Розанваллон 2007, с. 28]. Эта социальная утопия существовала сравнительно недолго, знаменуя новый баланс социальных сил как торжество третьего сословия в лице буржуа, сместившего *Ancien régime*, но еще не обретшего нового исторического антагониста в лице человека труда. Последующее восхождение рабочего класса потребовало гарантий прав собственности и либерального политического порядка, то есть сильного регулирующего государства и ограничения *опасной стихии* рынка. Наконец, выяснилось, что автоматического превращения частных рыночных интересов и пороков (Б. де Мандевиль) во всеобщее благо почему-то не происходит, а сам рынок нуждается в дополнительной внешней регуляции.

Таким образом, автономный рынок в чистом виде быстро исчерпал потенциал первоначальной исторической экспансии, в свою очередь став объектом регуляции со стороны усилившихся национальных государств. Вместе с тем парадокс состоит в том, что глобальный рынок, преодолев границы наций-государств, продолжает развитие, лишь возвращаясь на новом витке к утопии саморегуляции, к тому историческому наследию, которое, как казалось ранее, было вытеснено навсегда. Вторая, глобальная экспансия приводит к все менее подвластному национальным государствам глобальному финансовому капитализму, способному перекладывать свои издержки на население как совокупность эмпирических экономических людей при явном дефиците сдерживающих и регулирующих институциональных механизмов национального и наднационального уровней [Панкевич 2012].

Отменяя феодальные институты распределения общественного богатства, капитализм самостоятельно не породил новых механизмов политической справедливости. Политическая философия методологического индивидуализма, первоначально легитимированная метафорами *невидимой руки рынка*, государства как *ночного сторожа* и *торгового общества*, в дальнейшем превратилась в освобожденное от исторического контекста идейное препятствие для формирования институциональной среды *позднего капитализма*, в которой все более значимы внешние регуляторы экономической деятельности коммунитарного типа. Государственное регулирование, левые трудовые партии, борьба профсоюзов, национальная освободительная борьба, наконец, поднимающиеся социальные классы с их новыми утопиями и обобщающий результат в виде социального государства смогли на определенном историческом периоде нивелировать негативные следствия экспансии для современного общества модели экономического человека в чистом виде.

Однако глобальный предел *государства всеобщего благосостояния* приводит к тому, что неолиберализм возрождает радикальные идеологические образцы архаичного *homo economicus* в силу того, что прежние онтологические трансформации обществ, связанные с глобальным *левым поворотом* и *социальным государством*, оказались ограничены в своих временных и географических эффектах. Поддерживавшие их социальные группы и экономические макроклассы находятся в состоянии трансформации, демонстрируют разложение и переформатирование привычной социальной структуры современных обществ.

### ***Номo economicus* в морально-политическом контексте**

Капитализм как релятивный баланс между взаимной экспансией территориального государства и экстерриториального рынка постоянно создает новые исторические модели жизнеспособного сочетания рынков и тех культурных и институциональных сред, в которых они находятся. В любых реальных экономиках помимо идеального рынка существуют фирмы (организации) или иерархии, где решения принимаются директивно или кооперативно, вне парадигмы методологического индивидуализма. Согласование интересов внутри фирм отличается от целей, условий и правил, которые установлены на рынке [Менар 2005]. Поэтому капитализм всегда шире гомогенных саморегулируемых рыночных сред, он “в конечном счете должен основывать рыночные отношения на чем-то выходящем за рамки холодного расчета: на кодексах чести, доверии и в первую очередь на общности и взаимопомощи, более характерных для человеческих экономик. Это, в свою очередь, означает снижение роли конкуренции. При таком подходе становится ясно, что, создавая рыночную утопию, в которой нет места долгу, Адам Смит на самом деле объединил элементы этого наследия с необычайно воинственной концепцией рынка, свойственной христианскому Западу” [Гребер 2015, с. 396].

Как ни странно, облегчает эту задачу тот факт, что экономика капитализма рождается не только из свободного и взаимовыгодного обмена товарами и услугами в экономической модели А. Смита. Ее хорошо забытый анамнез говорит о том, что рыночная экономика одновременно строится на превращенных и облегченных формах рабства, угнетения и насилия, из которых, собственно, и возникло право частной собственности, в дальнейшем ставшее всеобщим. Экономическое развитие становится обусловленным уже не прямым рабством и внешним принуждением людей, но системно организованным долгом и обязательствами граждан, корпораций и отдельных государств в контексте идеологии постоянного роста потребления. Отсюда “глубокое противоречие между политическим императивом, заключающимся в навязывании капитализма как единственного возможного способа управления вообще всем, и непризнаваемой потребностью самого капитализма в ограничении собственных горизонтов, поскольку иначе спекуляция выходит из-под контроля” [Гребер 2015, с. 394]. Когда на место честной конкуренции за потребителя приходит создание и манипулирование

спросом; жизненно необходимые потребности все более вытесняются феноменами *фиктивных товаров*, возгонкой *искусственных потребностей* и престижного потребления; кредиты вытесняют сбережения; на место рационального выбора приходит индейский *потлач*, отменяющий рациональную оценку потребителями своих издержек и движимый эмоциями, рекламой, модой, статусом, стереотипами и т.д. [Ариели 2012]. Но дело заключается не только в постоянном нарушении и поиске социального равновесия в условиях капитализма. Более фундаментальная проблема состоит в том, что капитализм сам по себе не может иметь каких-либо внеэкономических, то есть культурных, социальных и политических целей. Попытки замаскировать *социальную пустоту* капитализма с помощью теорий стихийной самоорганизации субъектов и рынков, развития, прогресса, модернизации и/или глобализации оказываются сведением знания об обществе к неким его технологическим изменениям, как будто относительно описания и оценок этого общества *a priori* существует консенсус, не имеющих достойных альтернатив.

Соответственно, модель *homo economicus* как максимизатора своих прибылей и удовольствий при минимизации затрат, заложенная в политической философии И. Бен-тама и А. Смита, функционирует на довольно инфантильной, до-социальной стадии морального развития. Эта стадия не может привести к образованию и поддержанию общества и его институтов, выходящих за пределы выгодных отдельным индивидам торговых обменов, так как коммуникации в отсутствие гарантий общества становятся невозможны или крайне затруднительны. От этой центральной модели, думаю, происходит общая политическая ущербность современной неолиберальной экономической теории, которая активно продвигается и в философию, и в социологию, и в сферу принятия политических решений, и в область среднего и высшего образования.

*Homo economicus* соответствует утилитарная мораль, определяемая выгодой и удовольствием индивида (в роли производителя—продавца—покупателя) от конкретных экономических обменов, когда в рамках социального атомизма все люди *a priori* квалифицируются как однородные по своей мотивации, целям, опыту. Социальные же группы представляются как механические суммы предпочтений условных индивидов. Любые историко-социальные, культурные и групповые контексты принятия решений элиминируются. Общественные институты, законы и внеэкономическая мораль как условия и гарантии этих обменов выносятся за скобки — *ничего личного, это только бизнес*. Например, морально правильное, но экономически невыгодное поведение в такой модели максимизации индивидом своей прибыли невозможно. Постоянное столкновение сиюминутных интересов оптимизируется *невидимой рукой рынка*, в то время как все иные регуляторы описываются в категориях издержек и препятствий.

В результате неkritичного переноса микроэкономических моделей на общество в целом последнему вменяются все те же приоритетные цели и задачи *коллективной максимизации полезности*, что и отдельному *homo economicus*: "...социальные общественные институты, от семьи до государства, трансформируются в предприятия по регуляции личных интересов... ради выполнения самых разнообразных задач коллективной максимизации: процент экономического роста, индекс женской фертильности, процент занятости населения, снижение числа гибнущих на дорогах, процент успешного обучения и так далее" [Лаваль 2010, с. 355]. Однако подобные благие намерения, связанные с передачей заботы о максимизации собственной полезности от индивидов внешним инстанциям принятия коллективных решений о *всеобщей максимизации* слишком часто оборачивались в истории человечества игнорированием и порабощением личности *в ее же интересах*. Например, когда фертильность поддерживалась запретами на контрацепцию и аборты, поддержание занятости оборачивалось принудительными работами и преследованием *тунеядцев*, забота о безопасности перерастала в дисциплинарную гиперопеку, массовые доносы и *презумпцию виновности* граждан, а успешность обучения приравнивалась к результатам формального тестирования и т.д.

В такой ситуации посылка о саморегуляции капитализма в отсутствие фоновых внеэкономических регуляторов рынков оказывается под вопросом: “...если мы соглашаемся с тем, что координация действий требует усилий, а не осуществляется автоматически согласно законам природы, то отсюда следует преимущественно интерпретативный, а не только калькулятивный характер рациональности человеческого поведения. Чтобы скоординировать свои действия с окружающими, человек должен прежде всего применить те или иные конвенциональные рамки, позволяющие ему понять действия и намерения других людей. Понимание рамок требует не только когнитивных, но и оценочных усилий... Именно здесь рельефнее проявляется роль в осуществлении координации коллективных ценностей и общих благ, которые ни в коем случае нельзя сводить к личностным предпочтениям. Коллективные ценности и общие блага обеспечивают рамки для наиболее приемлемых соглашений” [Тевено, Эймар-Дюверне, Орлеан, Салэ, Фавро 2005].

Социальные связи и личные отношения, неизбежно возникающие у рыночных субъектов в результате взаимодействия или интериоризации социальных норм, воспринимаются неоллибералами как искажающая помеха свободным рыночным обменам. Однако представляется, что в действительности ситуация выглядит противоположным образом: любые целенаправленные действия экономических субъектов неизменно встроены в контекст системы внерыночных социальных коммуникаций, отрицание влияния которой на мотивы и поведение экономических агентов ведет к редукционистским искажениям [Грановеттер 2002, с. 47–50]. Социальные нормы, институты и традиции с одной стороны, и личный опыт – с другой, оказывают на взаимодействие экономических агентов гораздо большее регулятивное воздействие, чем принято думать в контексте микроэкономики, рассматривающей экономику и социум сквозь общую призму методологического индивидуализма. В результате модель *homo economicus* часто далека от мотивов поведения большинства реальных людей. Еще дальше от экономико-политической реальности эта модель оказывается в сословных общностях периферийного капитализма, где экономическое поведение людей в значительной степени детерминировано не рынками, а властными отношениями и социальными статусами, а распределение ресурсов имеет внерыночный характер [Кордонский 2008].

Не секрет, что базовая экономическая теория – как правило, еще и способ оправдания доминирующих в обществе социальных сил. Господствующие социальные группы и слои отбирают идеи, соответствующие их интересам. В результате “вместо того чтобы показывать обществу, как функционирует экономика, наука становится инструментом власти для регулирования этой самой экономики... рассматривать экономику как науку об ограниченности и выборе, игнорируя влияние общества, истории, культуры и политики на хозяйственную деятельность человека, – равносильно самоубийству” [Коуз 2013]. Соответственно, экономический дискурс демонстрирует опасное сближение с дискурсом идеологическим, а *homo economicus* трансформируется в «главного героя “сказки о рынке”, где рациональное честное поведение вознаграждается ростом дохода и богатства, а обманщики и воры живут в бедности и страдают от невежества и болезней» [Ореховский 2015, с. 105–106].

Таким образом, в основе любого *естественного* социально-экономического порядка явно или неявно лежит определенная легитимирующая политическая философия. Соответственно, в дискурсе неоллиберализма политэкономия превращается в оправдание *status quo*, в своего рода экономическую теологию, когда “в середине XIX-го века курсы политической экономии сознательно создавались как средство поддержки существующего общественного порядка” [Ефимов 2013, с. 27]. Притом, что на прикладном уровне политическая экономия изначально представляла собой науку лишь о том, как “с тем же количеством труда произвести больше товара, следовательно удешевить товары и ускорить накопление капитала” [Маркс 1960, с. 337]. В контексте неоллиберализма мейнстрим экономики во многом возвращается к представлениям Смита, в которых божественное предопределение заменила *невидимая рука рынка*, со временем украшенная математическими формулами, статистикой и математическими уравнениями, призванными

убедить наблюдателей в политической, классовой нейтральности экономических исследований. В результате политическая философия классического либерализма превращается в застывшую идеологию экономического мейнстрима в виде разного рода теорий *поддержания равновесия*, предназначенных для оправдания *status quo*.

Экономические теории, апеллируя к математическим и статистическим методам, пытаются обосновать имплицитную этику, противоречащую целям общественных наук. Поскольку эти цели связаны не только с обоснованием индивидуальных интересов и выгод, но и с необходимостью производства общественных благ, связанных с кооперацией человеческих ресурсов, которые не могут быть получены из проекций частных эгоистических интересов.

Сам по себе потенциал универсализации этики *homo economicus*, которую пытаются обойти умолчанием, весьма невелик. Поскольку он лишь отсылает к естественности любых сложившихся экономических и политических неравенств, если они не угрожают общественному порядку. Более того, заложенная в этой модели минимизация государства и распределительных механизмов создает серьезные проблемы для капиталистических рынков как саморегулирующихся систем.

### **Рациональность *homo economicus*: факт, гипотеза, идеология?**

Безусловно, следует признать благотворность широкого распространения *буржуазных добродетелей* для экономического развития современных обществ. Однако расчетливость *homo economicus* — лишь одна из них, наряду со свободой, достоинством, доверием, честностью, справедливостью, инновациями и т.д. Предполагается, что *homo economicus* выстраивает единственно правильную ценностную иерархию, подчиняя личному рациональному расчету более *низкие* уровни определения своих приоритетов, основанные на страстях, эмоциях, чувствах, традициях и обычаях. Но при этом в экономическом дискурсе не учитывается тот факт, что именно последние при всей их неутилитарности способствуют удержанию общества от распада и *войны всех против всех* внеэкономическим способом.

В более широкой перспективе, личный интерес, стратегия расчета выгод и издержек и утилитарная полезность становятся основанием *природы* современного человека, которая существует до- и помимо более частной модели экономического человека, лишь представляя последней *избирательные* онтологические аргументы в свою пользу. Личная польза как главный мотив поведения людей меняет нормативные основания общественного порядка, которые в своем пределе сводятся к тому, что «индивидууму не надо больше подчиняться моральному закону, указывающему ему на добро и зло, ему надо лишь делать точные расчеты, в которые надо уметь включать всякого рода условия (бюджетные, правовые, социальные, политические и так далее), которые позволяют ему достичь наивысшего удовольствия» [Лаваль 2010, с. 200–201].

В результате привычная для модели *homo economicus* «инструментальная рациональность становится образцом антропологии современного человека, что во многих случаях приводит к массе недоразумений и ошибкам в интерпретации социального поведения (при анализе экономических явлений, электоральных процессов, политики, этнических фобий, национальных конфликтов и т.п.)... «Психологизм» (эмоциональность, аффективность, соответственно, иррациональность состояния) означает в подобных случаях то, что исследователь не в состоянии ясно прочесть императивы поведения, которые для действующего кажутся очевидными, хотя часто ни он сам, ни тем более исследователь или интерпретатор (историк, социолог, экономист) не в состоянии идентифицировать их в качестве собственно групповых или институциональных требований» [Гудков 2012, с. 259]. Соответственно, многие значимые элементы социальной реальности оказываются вне поля зрения, а фактам навязывается односторонняя причинность, которая далеко не всегда оказывается истинной.

Тем не менее экономический нобелеат Г. Беккер упорно доказывает сомнительный приоритет рациональной экономической модальности поведения человека во

всех неэкономических сферах жизни, включая семейные отношения, образование, преступное поведение и т.д. Ему представляется, что любые видимые отступления от рациональности индивидов объяснимы некими скрытыми от наблюдателя издержками, обнаружение которых вновь возвращает нас к пониманию рациональности наблюдаемых субъектов, даже если они саму таковую отрицают [Беккер 2003, с. 34–35]. Однако определение рациональности, которое он использует, оказывается при этом весьма размытым. Поскольку целесообразность деятельности, планирование времени, стремление к выгоде характерны для человеческих действий в любые исторические периоды. Заслуги Нового времени, капитализма и современного общества в данном случае лишь количественные, а не качественные. Они состоят в том, что впервые рациональность и автономная субъектность становятся общепризнанным (легитимным) потенциальным достоянием большинства индивидов, в то время как в предшествующие эпохи это большинство было лишь объектом применения внешней принудительной рациональности, транслируемой немногочисленными субъектами принятия решений, начиная с монарха и заканчивая главами семейств.

Более того, модель индивидов как счетных рациональных машин – по сути, не факт, а метафора, которую было бы слишком наивно преподносить в качестве незаменимого критерия принятия индивидуальных, а тем более политических решений в реальном мире, как это делает экономическая неоклассика. В результате набирает обороты последовательная трансформации общенаучной картины общества, в которой *эпистемологический монизм* уверенно сдает позиции в пользу более плодотворного *анархизма теории познания*, хотя бы потому, что “важные социальные вопросы нельзя решать, исходя из графиков на доске, потому что весьма просто нарисовать другие графики, которые приводят к противоположному результату” [Макклоски 2011, с. 277].

Новейшая математизация общественных наук по образцу экономики призвана придать идеям саморегулирующегося рынка, максимизации полезности, равновесия, рационального выбора, бесконечного накопления капитала статус фундаментальных универсальных результатов в области экономической теории продолжают оставаться сомнительными: “...благодаря математизации экономической теории в ее рамках получен ряд общих результатов, фактически указывающих на неполноту или неадекватность аксиоматики основополагающих моделей, что влечет за собой отсутствие ответов на важнейшие вопросы” [Полтерович 1998, с. 53]. Математизация экономической теории, стремительно нарастающая с середины XX в., приводит к тому, что, как с иронией отмечает Р. Талер, экономисты в стремлении к тотальной рационализации экономических субъектов “в качестве эстетического принципа стали руководствоваться правилом, что если агенты в модели А умнее агентов в модели Б, то модель А лучше, чем Б. Уровень IQ *Homo economicus* ограничивался только IQ умнейших экономических теоретиков!” [Талер 2014, с. 144].

В данном случае внутренняя формальная непротиворечивость теорий, уравнений, тщательно подобранных статистических и регрессионных рядов является неким паллиативом научной истины, избавляет ее от необходимости доказывать свои положения на постоянно меняющейся, противоречивой практике. Математизированная теория общества в центр своих построений кладет ценность *непротиворечивости* социально-политического порядка, связанную с концепцией *равновесия* в экономике и/или *стабильностью* как соблюдением процедур подтверждения легальности политических решений (выборы, референдумы, права и свободы) и нейтральности решений в области управления и распределения ресурсов (разделение властей, общественный контроль, верховенство права и т.д.). Ценности поддержания стабильности/равновесия общественной системы начинают противоречить любым импульсам к изменению общества, интерпретируемым как разрушение легальности политического порядка.

Однако в отличие от математики непротиворечивость и эстетическая красота *больших теорий* в области общественных наук совершенно недостаточна для оценки их истинности и эффективности относительно действительности, к которой планируется применить эти схемы: “утопия, выраженная в формулах, а не естественным

языком, не перестает быть утопией, несмотря на свои математические одежды” [Ефимов 2013, с. 11]. Строго говоря, рациональная модальность — лишь один из типов мышления, пользуясь которым люди определенным образом описывают окружающий мир, формулируют ценности, выстраивают иерархии предпочтений и принимают решения. Помимо рациональной модальности можно, например, выделить такие автономные модальности мышления, как магическая (мифическая), эстетическая, этическая и инструментальная (прагматическая) со структурирующими их правилами “восприятия реальности, формирования суждения и получения нового знания. Каждый набор таких правил определяется как самостоятельная логика” [Старцев 2015, с. 67].

Помещение теории рационального выбора индивида в реальный эмпирический контекст обнаруживает, что она зачастую дает неудовлетворительные результаты, “если мы пытаемся объяснить поведение человека, принимающего решение в сложных динамичных условиях, включающих значительную степень неопределенности и предъявляющих жесткие требования к его вниманию” [Саймон 1993, с. 37]. Поэтому самое большее, на что можно надеяться, это рациональность не самих субъектов, но выполняемых ими процедур, вовсе не гарантирующих искомым результат.

Индивидуалистический рыночный капитализм преобладал в период его романтической экспансии, когда рынок оценивался как безусловное общественное благо в сравнении с феодальными порядками и еще не успел показать свою проклятую сторону. И, возможно, только в этот период конкуренция была *естественным* состоянием рынка. И только здесь капитализм оказывался понятен и соразмерен рациональному индивиду, действующему в рамках методологического индивидуализма. Более поздние версии монополистического и глобального капитализма уже не имеют точек соприкосновения, позволяющих его сопоставить с превзойденной партикулярной реальностью и опытом конкретного *homo economicus*. Рыночный капитализм, первоначально создаваемый сцеплением интересов рациональных эгоистичных субъектов, постепенно отходит в область экономической истории и идеологии, тем не менее, в превращенном виде оставаясь важным пунктом экономического конструирования и легитимации.

Ограниченность модели *homo economicus* состоит и в том, что исключительно рациональное руководство увеличением собственной полезности нивелирующее моральные, правовые, культурные нормы и пересекающиеся потребности и интересы других людей может обернуться катастрофическими последствиями для общества. Представление об общественном благе подменяется представлением о благе для рыночной экономики. Цели общества и рынка отождествляются. Соответственно, осуществляется вторжение нормативных стандартов поведения экономического человека в сферы, которые ранее регулировались альтернативными, нерыночными нормами. Автономный индивид гражданского общества замещается максимизатором прибыли, потребителем и предпринимателем, смитовским купцом. Неолиберализм разрушает фоновый моральный консенсус, полагая, что законы рынка есть единственные законы человеческого общества и потому они должны определять и наши моральные представления, поскольку, словами Э. Бёрка, “законы торговли суть законы природы, а следовательно, законы самого бога” (цит. по [Маркс 1960, с. 770]).

Однако в до- и внерыночной моральной перспективе, сохраняющей свою актуальность и в настоящее время, интерпретация рынка как желаемого образа общества может быть диаметрально противоположной, связанной с метафорическим утверждением, что на рынке каждый сам себе дьявол: “Как купец, доводящий своих конкурентов до разорения, как ростовщик, как хозяин, как игрок, ставящий на кон чужие жизни, *Homo economicus* мог быть дьяволом для других, но он был и дьяволом самому себе, потому что ему грозило самоуничтожение; сами институты, посредством которых он надеялся достичь процветания, могли погубить его на Страшном суде... Экономический индивидуализм такой тяжестью ложится на современное общество, что мы не можем представить себе альтруизм или сострадание как необходимые составляющие человеческой жизни... люди небезосновательно рассматривали экономический индивидуализм как разновидность искушения души” [Сеннет 2002, с. 17–18].

*Homo economicus* как рациональный эгоист выразил своего рода светскую теологию. Поначалу она позволила создать довольно непротиворечивый, но временный и паллиативный консенсус капитализма и христианских ценностей, наиболее последовательно выраженный человеческим типом поднимающейся буржуазии, столь проницательно обобщенным О. Бальзаком, исследованным М. Вебером в культурно-историческом феномене протестантизма.

Однако воссоздание общества на радикальных индивидуалистических началах в ходе развития капитализма и его экономического осмысления, во-первых, обнаружило, что рациональность, приписываемая экономическим агентам, — не универсальная рациональность, которую можно распространить на всех социальных субъектов в любых контекстах. Эта рациональность довольно быстро обнаружила свои исторические пределы, когда капитализм оказался бессилён перед порожденными им новыми общественными проблемами — классовым расслоением, массовыми войнами, безработицей, отсутствием социальных гарантий и т.д. Оказалось, что имманентные капитализму вызовы имеют лишь выходящие за пределы логики *homo economicus* решения, не могут быть решены на том уровне, на котором возникли. В частности, теории рационального выбора как методологический ключ к пониманию человеческого подведения, экономики и политики обоснованно критикуются за излишний редукционизм, когда рациональное мышление отождествляется с разумом как таковым, за ориентацию на способы объяснения фактов *post hoc* при неспособности предсказывать развитие событий, претензии на универсальность и безальтернативность [Грин, Шаниро 1994]. Справедливо отмечается, что “рациональная модальность исключает из мышления недоказуемое. Однако, поскольку недоказуемое встречается в общественной жизни, существенную роль играют те процедуры, с помощью которых обеспечивается его вытеснение из сферы мыслимого. Для рационального мышления процедура сводится к объявлению недоказуемого — несуществующим... (или несущественным.— В. М.). Исключением, конечно, является собственная аксиоматика рациональной модальности, чья априорность не является предметом доказательства, а просто некритически принимается как условие существования мира” [Старцев 2015, с. 73].

Во-вторых, в ходе дальнейшего развития экономической теории выяснилось, что рациональность в реальных коллективных взаимодействиях всегда является ограниченной, релятивной и контекстной, испытывая давление внеэкономических и внерациональных ценностей, целей и мотивов, а также постоянной нехватки информации для принятия подлинно рационального решения. Наконец, прямой перенос индивидуальной рациональности на надындивидуальных субъектов, в область принятия коллективных решений также оказался невозможным, так как рационально осмысленные партикулярные интересы не только не ведут напрямую к общественному благу, но и часто оказываются взаимоисключающими. Отсюда, в частности, происходит гегелевское противопоставление гражданского общества как арены борьбы частных интересов и необходимости государства как агрегатора всеобщего интереса. Наконец, на более высоком, надындивидуальном уровне рационально принимаемые коллективные стратегии и решения, нацеленные на максимизацию общественных благ и повышение эффективности имеющихся у общества ресурсов, могут принять форму узаконенного экстремизма в отношении отдельных граждан, составляющих это общество, что можно было неоднократно наблюдать в историческом опыте человечества. Об этом известный парадокс К. Эрроу, согласно которому в процессе коллективного выбора граждан невозможно соблюсти необходимые процедуры рациональности [Эрроу 2004]. Поэтому рациональный выбор от имени общества может, по сути, осуществить только диктатор, которому делегированы полномочия других участников.

Глубинное противоречие модели *homo economicus* с реальной историей капитализма состоит и в том, что рационально действовать могут не только индивидуальные рыночные субъекты и фирмы, но и нерыночное государство и его акторы. Соответственно, умножение типов экономической рациональности и эффективности в условиях, когда капитализм создавался не столько вопреки, сколько благодаря дисциплинарной

поддержке национального государства, сразу же привело к серьезным ограничениям универсальности модели *homo economicus* относительно ее практической применимости в любых контекстах и сферах человеческой жизнедеятельности.

В результате современный мейнстрим экономической науки закономерно приходит к необходимости компенсации модели *homo economicus* теориями ограниченной рациональности, дополненными теориями игр, описывающих взаимодействие агентов в условиях неполной информации и необходимости принятия оптимальных решений в контексте множества переменных. Когда оказывается, что повторяющиеся взаимодействия индивидов ведут к росту влияния этических факторов на принятие решений, которые могут вступать в прямое противоречие с целевой функцией максимизации полезности. Однако снижение разовой выгоды компенсируется ее общим гарантированным накоплением в многотуровых взаимозависимых решениях игроков, более близких к реальной жизни граждан [Автономов, Белянин 2011, с. 121–123].

В частности, первая Нобелевская премия по экономике за обоснование теории ограниченной рациональности была вручена Г. Саймону в 1978 г. (спустя 20–30 лет после опубликования соответствующих работ), а за дальнейшую разработку теорий игр позже той же награды удостоивались многие выдающиеся ученые. Таким образом, вклад исходной индивидуальной рациональности в поддержание равновесного рынка в экономике и общественного порядка в социально-политических науках требует постоянной коррекции с позиций методологического холизма и необходимости согласования предпочтений и коллективных действий в различных сферах жизни человека, не сводимых к сумме личных предпочтений.

Следовательно, любые общественные стратегии, вырабатываемые в результате конфликтного взаимодействия интересов разных субъектов, оказываются синтетическими, их цели состоят вовсе не в поиске рационального, оптимального или эффективного решения, как это часто представляется в дискурсе неолиберализма, но лишь *обоюдно приемлемого несовершенства* для эффективного баланса меняющихся интересов и обстоятельств в условиях нехватки ресурсов. Это мета-стратегия, нацеленная на поиск возможных вариантов совмещения взаимосвязанных стратегий. Никакие окончательные и идеальные решения, законы, формы правления и государственного устройства здесь невозможны. Тем более что общественные ресурсы всегда ограничены, информация – не полна, а доказательства приоритета тех или иных персональных или коллективных интересов всегда сводятся к нормативной апелляции.

Новая методологическая тенденция строится на понимании того, что релевантность и прогностический потенциал моделей *homo economicus* зависит от широты и перспективы того социально-культурного контекста, в котором он осуществляет свое взаимодействие с другими агентами и который неизбежно ограничивает его рациональность. Однако подобные расширенные модели неизбежно междисциплинальны, сложны и динамичны, имеют много переменных и требуют постоянных корректировок, что ограничивает их широкое распространение. Кроме того, инструментальная рациональность сама по себе не тождественна эффективности экономических агентов даже в практиках по достижению их собственных целей. Проблема в том, что часто простое дескриптивное описание того, что происходит в действительности, как принимаются конкретные решения, часто оказывается полезнее, чем нормативные теории при всей их универсальности и простоте [Талер 2014, с. 149–151]. Проблема в том, что модель рациональности индивидов и субъектов коллективного действия может быть принципиально отлична, ибо зависит от разной причинности и иерархий разных приоритетов, влияющих на поведение субъектов и принятие решений. Поэтому некритичный перенос моделей методологического индивидуализма на политических субъектов и критерии принятия политических решений, объяснение коллективных социальных действий с позиций их предельной полезности чреват разрушением коллективных практик, социальных групп и общества в целом, скрепляемых совсем иной целерациональностью.

Апология методологического индивидуализма сводится к тому, что в истории экономической науки начальная модель *homo economicus* характеризуется постепенным наращиванием реалистических и правдоподобных черт, релевантных для понимания экономических процессов [Автономов, Белянин 2011, с. 114–115]. Однако более убедительной представляется другая интерпретация, согласно которой уровень абстракции данной модели мало изменялся в истории экономической науки: происходило лишь изменение легитимации модели рациональности *homo economicus*, связанной сначала с божественным провидением, а затем с естественными науками и математикой.

Таким образом, радикальный утилитаризм индивидов-торговцев, продающих на рынке свои знания, умения, труд и время, не может быть фундаментом общей теории общества, представляя его лишь как арену борьбы частных интересов. Он не может удовлетворительно ответить на вопрос, как возможно общество, ибо ни одно из реальных обществ не вписывается в прокрустовы рамки утилитарной морали, поскольку все решения конкретных индивидов (а не их абстрактные модели) принимаются не в идеальном вакууме, но в плотной институциональной среде – концентрате норм, идентичностей, ценностей, законов, традиций, требующих учета и соблюдения в индивидуальных решениях.

Институты обладают высокой инерцией, которая определяет стабильность, устойчивость (повторяемость) воспроизводства общественных правил и в более широком контексте самого общества. Эта институциональная среда выходит за рамки жизни отдельного индивида, она воспроизводится коллективами и ее изменения соотносимы с историческим движением поколений. Институты эффективны настолько, насколько они способны отвечать доминирующим ценностным представлениям о желаемых правилах справедливого человеческого общежития. Собственно, из попытки связать утилитарную мораль и реальное общество и возникает классический либерализм с его идеей государства как общественного блага, защищающего общие интересы граждан, связанные с безопасностью, определенностью и предсказуемостью социального взаимодействия людей.

Сегодня основное противоречие мироэкономики состоит в том, что экстратерриториальности капиталистической экономики и модели *homo economicus* противостоят механизмы сдерживания в виде политической власти нации-государства как наиболее эффективного гаранта прав и свобод человека, его способности властвовать над собственной судьбой вне зависимости от текущего места на рынке [Фишман 2015]. Возможность расширения внеэкономических факторов развития связана со сдерживанием доминирующей логики чистого капитализма, ориентированной на извлечение прибыли при минимизации социально-экономических издержек и обязательств рыночных субъектов. В результате усиливаются дискуссии о необходимости перехода от радикальных неолиберальных и либертарианских версий либерализма к социальному либерализму, ориентированному на поиск оптимального баланса в значимых национально-государственных, социокультурных контекстах индивидуальных и коллективных интересов, согласования приоритетов рынка и государства [Социальный... 2016].

### От *homo economicus* к *homo politicus*?

В настоящее время не вызывает сомнений, что “постулат о том, что индивиды стремятся максимизировать выгоду, вступая в любые социальные отношения, до сих пор лежит в основе современной формализованной экономической теории” [Фуркад, Хили 2011, с. 129]. Однако неолиберальная модель *homo economicus*, основанная на методологическом индивидуализме и концепции рационального выбора эгоистических индивидов, уже долгое время осуществляет уверенную экспансию в общественные науки в качестве нормативной. Покидая реалии непосредственных экономических фактов, ситуаций, субъектов и взаимодействий модель *homo economicus* становится все менее релевантной методологически и эмпирически во внеэкономических контекстах применения, не столько описывая, сколько идеологически предписывая

определенные свойства социально-политической и культурной реальности, цели и мотивы действующим в ней неэкономическим субъектам.

Несмотря на релевантность модели *homo economicus* относительно описания поведения экономических акторов в условиях наиболее развитых и конкурентных капиталистических рынков, ее некритичное распространение на ограниченные и периферийные рынки, а тем более в качестве базовой ценностной модели человека как такового в социально-политических науках вызывает обоснованную критику: "...неолиберализм отличается преобразованием конкуренции в общую форму производящих видов деятельности, и в частности тех, где оказываются нерыночные услуги, и даже социальных отношений за пределами производственной сферы" [Дардо, Лаваль 2011, с. 105]. Модель *homo economicus* на практике оказывается невосприимчивой к фоновым внеэкономическим факторам поддержания социально-политического и экономического порядка современного общества. В подобных обстоятельствах потеснить с нормативных позиций *homo economicus* и сопутствующую его модели экономическую теологию в общественных науках может только междисциплинарная теория, чьим предметом является не только рациональный эгоист, а методом — не только некритичное распространение его предполагаемых предпочтений на все общественные. Предметом подобной теории может быть лишь сложное сообщество, взятое в тотальности экономической, политической, культурной и иных сфер бытия. Общество, требующее более универсальных оснований для согласования индивидуальных и коллективных интересов в принятии общественно значимых решений. На институциональном уровне это может, например, проявляться в эволюционном возрастании значимости добровольных организаций, объединений и союзов граждан, которые не сводятся к государству или рынку, но оказываются все более важной специфической социальной средой и условием дальнейшей институциональной дифференциации и развития позднемодерных обществ [Полтерович 2015].

Таким образом, реальность *homo economicus* представляет лишь одну из возможных вариаций, например, по отношению к модели *человека играющего* (Й. Хёйзинга), *человека говорящего* (Д. Макклоски), *гражданина* национального государства, *представителя* политического класса или *подданного* империи. В то же время методологически все более важной становится способность избегать крайностей монополизации интерпретаций человеческой природы рынком или государством. Это способность людей самостоятельно и совместно поддерживать общественный баланс общего и частного, традиций и новаций, личной свободы и внешнего принуждения (регулирования), частных интересов и общих ценностей. Постоянно синтезировать нечто третье как набор коммуникаций, практик, организаций и институтов, которые могли бы, не отрицая рынок и государство, устойчиво нивелировать негативные издержки и расширять возможности последних, создавая жизнеспособные констелляции жизненных практик в контексте, выходящем далеко за пределы экономики. Соответственно, политические стратегии, альтернативные неолиберальным, могут развиваться как устремления новых значимых социальных групп. Это поднимающиеся классы, интересы которых не могут быть учтены или удовлетворительно компенсированы в условиях неолиберального политико-экономического порядка, когда государство постепенно сокращает объем своих обязательств перед населением в пользу игры якобы *свободных рынков*.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономов В. (1998) Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа.  
Автономов В. С., Белянин А. В. (2011) Поведенческие институты рыночной экономики: к постановке проблемы // Общественные науки и современность. № 2. С. 112–130.  
Ариели Д. (2012) Поведенческая экономика. Почему люди ведут себя иррационально и как поработать на этом. М.: Манн, Иванов и Фербер.  
Беккер Г. (2003) Человеческое поведение: экономический подход. М.: ГУ ВШЭ.

- Грановеттер М. (2002) Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. № 3. С. 44–58.
- Гребер Д. (2015) Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Грин Д., Шапиро И. (1994) Объяснение политики с позиций теории рационального выбора: почему так мало удалось узнать? // ПОЛИС. № 3. С. 59–74.
- Гудков Л. (2012) Доверие в России: смысл, функции, структура // Новое литературное обозрение. № 117. С. 249–280.
- Дардо П., Лаваль К. (2011) Неoliberalизм и капиталистическая субъективация // Логос. № 1. С. 103–117.
- Ефимов В. М. (2013) От машин удовольствия к моральным сообществам // Журнал институциональных исследований. Т. 5. № 2. С. 7–47.
- Зафировский М. (2014) Вне рационального выбора: элементы “теории иррационального выбора” // Социологические исследования. № 3. С. 19–28.
- Кордонский С. Г. (2008) Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”.
- Коуз Р. (2013) Спасти экономику от экономистов (<http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/a11518/>).
- Лаваль К. (2010) Человек экономический: эссе о происхождении neoliberalизма. М.: Новое литературное обозрение.
- Макклоски Д. (2011) Риторика экономической теории // Истоки. Социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ. С. 252–320.
- Маркс К. (1960) Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. в 50 т. Т. 23. М.: Госполитиздат.
- Менар К. (2005) Экономика транзакционных издержек: от теоремы Коуза до эмпирических исследований // Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М. С. 113–151.
- Ореховский П. А. (2015) Авторитетный дискурс российского экономиста // Общественные науки и современность. № 6. С. 97–115.
- Панкевич Н. В. (2012) ТНК: гражданско-политический контроль в условиях денационализации // Мировая экономика и международные отношения. № 3. С. 34–42.
- Полтерович В. М. (1998) Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. № 1. С. 46–66.
- Полтерович В. М. (2015) От социального либерализма к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. № 4. С. 41–64.
- Радаев В. (1997) К обоснованию модели поведения человека в социологии (основы “экономического империализма”) // Социологические чтения. Вып. 2. М.: ИС РАН. С. 177–189.
- Розанваллон П. (2007) Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: Новое литературное обозрение.
- Саймон Г. (1993) Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. Вып. 3. С. 16–38.
- Сеннет Р. (2002) Каждый – сам себе дьявол: Париж Умбера де Романа // Логос. № 3–4. С. 1–18.
- Социальный либерализм (2016) / под ред. А. Я. Рубинштейна, Н. М. Плискевич. СПб.: Алетейя.
- Старцев Я. Ю. (2015) Феноменология иррационального в политическом мышлении и разнообразии логик политического действия // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. № 4. С. 67–106.
- Талер Р. (2014) От *Homo economicus* к *Homo Sapiens* // Логос. № 1. С. 141–154.
- Тевено Л., Эймар-Дюверне Ф., Орлеан А., Салэ Р., Фавро О. (2005) Ценности, координация и рациональность: экономика соглашений или эпоха сближения экономических, социальных и политических наук // Институциональная экономика. М.: Инфра-М. С. 76–112.
- Фишман Л. Г. (2015) Создают ли демократию элиты? // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Т. 15. Вып. 2. С. 61–70.
- Фуркад М., Хили К. (2011) Моральные воззрения на рыночное общество // Символическая власть: социальные науки и политика. М.: Университетская книга. С. 127–185.
- Ханин Г. И., Фомин Д. А. (2008) 20-летие реформ в России: макроэкономические итоги // ЭКО. № 5. С. 42–62.
- Эрроу К.-Дж. (2004) Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М.: ГУ ВШЭ.

# The political limits of “homo economicus”

V. MARTIANOV\*

\* **Martianov Viktor** – Deputy Director, Institute of Philosophy and Law, Russian Academy of Sciences (Ural Branch). Address: S. Kovalevskaya str., 16. 620990, Ekaterinburg, Russian Federation. E-mail: martianovy@rambler.ru

## Abstract

It is posited that interdisciplinary expansion of “*homo economicus*” model leads to neglecting of extra-economic modes of thinking, values and institutes of law, politics, moral, art, etc. that are necessary preconditions of the society existence. In the situation of the disregarding of the extra-economic regulators and motivations of individual and collective practices the refined model of “*homo economicus*” is not only unable to sustain society’s and state’s existence, but also destroys the conditions for capitalism development itself. That is why methodological individualism and ideological model of “*homo economicus*” as a subject of politics, that forms a basis of neo-liberalism and legitimates political decisions of general importance needs profound correction. This model is legitimated by a need to pursue local problems, such as economic growth, or increase of individual utilities, which need to be enriched with the contexts of the goals of complex human and society development that are not to be reduced to economic growth. The perspectives of further development of contemporary societies needs a restitution of “*homo politicus*” who acts in a frame of extra-economic goals, factors and motivations, presenting increasingly important factors of human progress.

**Keywords:** extra-economic factors of development, methodological individualism, communitarianism, limited rationality, late Modernity, coordination of interests, *homo economicus*.

## REFERENCES

- Arieli D. (2012) *Povedencheskaya ekonomika. Pochemu lyudi vedut sebya irratsional'no i kak zarabotat' na etom* [Predictably Irrational: The Hidden Forces That Shape Our Decisions]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber.
- Arrow K. (2004) *Kollektivnyi vybor i individual'nye tsennosti* [Social Choice and Individual Values]. Moscow: HSE.
- Avtonomov V. (1998) *Model' cheloveka v ekonomicheskoi nauke* [The Human Model in Economics]. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola.
- Avtonomov V. C., Belyanin A. V. (2011) *Povedencheskie instituty rynochnoi ekonomiki: k postanovke problem* [Behavioral Institutions of a Market Economy: Towards the Problem Definition]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 112–130.
- Becker G. (2003) *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskii podkhod* [Human Behavior: an Economic Approach]. Moscow: HSE.
- Coase R. (2013) *Spasti ekonomiku ot ekonomistov* [To Save the Economy from the Economists] (<http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/a11518/>).
- Dardo P., Laval K. (2011) *Neoliberalizm i kapitalisticheskaya sub"ektivatsiya* [Neo-liberalism and Capitalist Subjectivation]. *Logos*, no. 1, pp. 103–117.
- Efimov V. M. (2013) *Ot mashin udovol'stviya k moral'nym soobshchestvam* [From Machine of Pleasure to Moral Communities]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*, v. 5, no. 2, pp. 7–47.
- Fishman L. G. (2015) *Sozdayut li demokratiyu elity? [Is Democracy Created by Elites?]*. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, v. 15, no. 2, pp. 61–70.
- Furkad M., Khili K. (2011) *Moral'nye vozzreniya na rynochnoe obshchestvo* [The Moral Views on Market Society]. *Simvolicheskaya vlast': sotsial'nye nauki i politika* [Symbolic Power: Social Sciences and Politics]. Moscow: Universitetskaya kniga, pp. 127–185.
- Granovetter M. (2002) *Ekonomicheskoe deistvie i sotsial'naya struktura: problema ukorenennosti* [Economic Action and Social Structure: the Problem of Rooting]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, no. 3, pp. 44–58.
- Greber D. (2015) *Dolg: pervye 5000 let istorii* [Debt: the First 5,000 Years of History]. Moscow: Ad Marginem Press.

- Grin D., Shapiro I. (1994) Ob"yasnenie politiki s pozitsii teorii ratsional'nogo vybora: pochemu tak malo udalos' uznat'? [Explanation of the Policy from the Standpoint of Rational Choice Theory: Why So Little Is Found Out?]. *POLIS*, no. 3, pp. 59–74.
- Gudkov L. (2012) Doverie v Rossii: smysl, funktsii, struktura [Trust in Russia: the Meaning, Function, Structure]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 117, pp. 249–280.
- Khanin G. I., Fomin D. A. (2008) 20-letie reform v Rossii: makroekonomicheskie itogi [20 Years of Reforms in Russia: Macroeconomic Results]. *EKO*, no. 5, pp. 42–62.
- Kordonskii S. G. (2008) *Soslovnaya struktura postsovetskoi Rossii* [The Estate Structure of Post-Soviet Russia]. Moscow: Institute of the Foundation "Public opinion".
- Laval K. (2010) *Chelovek ekonomicheskii: esse o proiskhozhdenii neoliberalizma* [*Homo economicus*: An Essay on the Origin of Neoliberalism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Marx K. (1960) Kapital [Capital]. Marx K., Engels F. *Sobr. soch.* in 50 v., v. 23. Moscow: Gospolitizdat.
- McCloskey D. (2011) Ritorika ekonomicheskoi teorii [The Rhetoric of Economics]. *Istoki. Sotsiokul'turnaya sreda ekonomicheskoi deyatel'nosti i ekonomicheskogo poznaniya* [The Origins. Sociocultural Environment of Economic Activity and Economic Knowledge]. Moscow: Publishing House of the High School Economics, pp. 252–320.
- Menar K. (2005) Ekonomika transaktsionnykh izderzhok: ot teoremy Kouza do empiricheskikh issledovaniy [Economics of Transaction Costs from the Coase Theorem to Empirical Studies]. *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional Economics]. Moscow: INFRA-M, pp. 113–151.
- Orekhovskii P. A. (2015) Avtoritetnyi diskurs rossiiskogo ekonomista [The Authoritative Discourse of the Russian Economist]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 97–115.
- Pankevich N. V. (2012) TNK: grazhdansko-politicheskii kontrol' v usloviyakh denatsionalizatsii [TNC: Civil-Political Control in the Conditions of Denationalization]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 3, pp. 34–42.
- Polterovich V. M. (1998) Krizis ekonomicheskoi teorii [The Crisis of Economic Theory]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*, no. 1, pp. 46–66.
- Polterovich V. M. (2015) Ot sotsial'nogo liberalizma k filosofii sotrudnichestva [From Social Liberalism to the Philosophy of Cooperation]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 41–64.
- Radaev V. (1997) K obosnovaniyu modeli povedeniya cheloveka v sotsiologii (osnovy "ekonomicheskogo imperializma") [On the Justification of Human Behavior Model in Sociology (Basis of "Economic Imperialism")]. *Sotsiologicheskie chteniya* [Sociological Readings]. Moscow: Institute of Sociology RAS, no. 2, pp. 177–189.
- Rozeanvallon P. (2007) *Utopicheskii kapitalizm. Istoriya idei rynka* [Utopian Capitalism. The History of the Idea of the Market]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Sennet R. (2002) Kazhdyi – sam sebe d'yavol: Parizh Umbra de Romana [Everyone is the Devil for Himself: Paris of Humbert de Romana]. *Logos*, no. 3–4, pp. 1–18.
- Simon H. (1993) Ratsional'nost' kak protsess i produkt myshleniya [Rationality as Process and Product of Thinking]. *THESIS*, no. 3, pp. 16–38.
- Sotsialnyi liberalizm* [Social Liberalism] (2016). Eds. A. Ya. Rubinshtein, N. M. Pliskevich. St. Petersburg: Aleteiya.
- Startsev Ya. Yu. (2015) Fenomenologiya irratsional'nogo v politicheskom myshlenii i raznoobrazie logik politicheskogo deistviya [Phenomenology of the Irrational in Political Thinking and a Variety of the Logics of Political Action]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, no. 4, pp. 67–106.
- Taler R. (2014) Ot *Homo economicus* k Homo Sapiens [From *Homo economicus* to Homo Sapiens]. *Logos*, no. 1, pp. 141–154.
- Teveno L., Eimar-Dyuverne F., Orlean A., Sale R., Favro O. (2005) Tsennosti, koordinatsiya i ratsional'nost': ekonomika soglasenii ili epokha sblizheniya ekonomicheskikh, sotsial'nykh i politicheskikh nauk [Values, Coordination and Rationality: Economics of Agreements or Era of Convergence of Economic, Social and Political Sciences]. *Institutsional'naya ekonomika* [Institutional Economics]. Moscow: Infra-M, pp. 76–112.
- Zafirovskii M. (2014) Vne ratsional'nogo vybora: elementy "teorii irratsional'nogo vybora" [Beneath Rational Choice: Elements of "Irrational Choice Theory"]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 19–28.